

Глава 1

ЧЕМОДАН С ПРИВИДЕНИЯМИ

Что-то пролетело со свистом, кто-то завопил, где-то посыпались стёкла. Обычное утро обычного дня в обычной школе для трудновоспитуемых волшебников Тибидохс, что находится в море-океане на острове Буяне.

Чёрные Шторы ехидно захихикали. Таня Гроттер оторвалась от толстого справочника «**Драконы: разведение, дрессировка, лечение**» и подбежала к окну. На небольшой поляне перед Тибидохсом происходило что-то интересное. Два здоровенных циклопа, которым было поручено носить валуны

для строительства, поссорились и теперь с увлечением выколачивали друг из друга пыль узловатыми дубинками. Одна из дубинок разлетелась, и её обломок, описав в воздухе красивую дугу, свалился точно на нос богатырю Усыне, который, подложив под щёку носилки, мирно дремал в тени Лукоморского дуба.

Минутой позже Таня наблюдала, как Усыня, сцапав одного из циклопов за ноги, со свистом его раскручивает. Явившиеся на вопли богатыри-вышибалы Дубыня и Горыня, обнаружив, что нос у их брата распух и приобрёл цвет свёклы, принялись хохотать. Они размахивали руками, подталкивали друг друга и в конце концов обрушили чудом уцелевший до сих пор участок стены. А тут ещё Усыня отпустил ноги циклопа, и тот, свечкой взмыв в поднебесье, врезался головой в Большую Башню. Посыпались кирпичи. Циклоп же как ни в чём не бывало поднялся и потрогал лоб.

— *Просто сунь снает сто такое! Опять сыска будет!* — недовольно прошепелявил он.

Привлечённая шумом, на балкончик Большой Башни выскочила доцент кафедры нежитеведения Медузия Горгонова. Она держала за шиворот пинающего Болотного хмыря, которого только что поймала на столешнице у себя в кабинете, где он выцарапывал гвоздём всякие гадости.

Заметив осыпавшуюся стену, Медузия от возмущения разжала ладонь, и Болотный хмырь, точно жаба плюхнувшись на пол, быстро улепетнул куда-то,

ругаясь нехорошими словами и грозя Тибидохсу неприятностями.

Но доцент Горгонова уже забыла о нём. Ей надо было разобраться с распоясавшимися циклопами и братьями-богатырями. Щёки у Медузии запылали, а волосы зашипели как змеи. Впрочем, почему *как*? Только тиш! — какой же женщине понравится, когда открывают её маленькие тайны?

— *Искрис фронтис!* — крикнула Медузия.

Из её магического кольца вылетела ослепительная боевая искра, и несколько большущих валунов сразу рассыпались в порошок. Громадные циклопы попадали на землю и безуспешно попытались спрятаться за травинками, покрытыми белой изморозью. Им было хорошо известно, что с разгневанной Медузией шутки плохи.

— *Полниссимо-дебилиссимо!* Что это такое? — крикнула доцент Горгонова. — Две недели работы — и никакого результата! Развалили даже то, что не тронули титаны! Вы понимаете, балбесы, что детям негде жить? Что крыша протекает? Что своды Тибидохса вот-вот рухнут?!

Циклопы мелко задрожали, а богатыри-вышибалы виновато потупились.

— Мы чего? Мы ничего... Циклопы... ы-ы... сами первые начали, — забубнил Усыня, удручённо шмыгая своим свекольным носом.

— Сами? А ну марш работать, или останетесь без обеда! — нахмурилась Медузия и вскинула кольцо, полыхнувшее новой искрой. Искра, как это бывает

у магов, придавала заклинанию необходимую силу: —
Голодронус голодрыгус!

Таня слышала это заклинание впервые. «Интересно, для чего оно?» — задумалась она, но тотчас ощутила такой волчий голод, что едва не вцепилась зубами в Чёрные Шторы. В этот миг она могла съесть абсолютно всё, даже позавчерашнюю овсяную кашу тёти Нинели с образовавшейся на ней корочкой, которую Пипа называла пуленепробиваемой. Таня сообразила, что магия Медузии случайно зацепила и её: ведь она тоже видела искру.

Циклопы и братья-богатыри разом зашевелились и поспешно принялись сгребать камни в кучу. Голод подгонял их.

— Никакого обеда, пока не закончите уборку! Ясно вам? Тунеядцы! — крикнула Медузия. Она круто повернулась и, как всегда стремительная, ушла с балкончика.

Жуя случайно оставшийся после завтрака бутерброд, Таня отодвинулась от окна и снова взяла в руки книгу. Не вечно же ей смотреть на циклопов! К тому же из здоровенной трещины в потолке за шиворот девочки давно стекала струйка воды.

«А ведь это из-за меня все мучаются!» — виновато подумала Таня.

После той истории, когда она неосторожно выпустила из подземелья титанов, а те, сражаясь с Чумой-дель-Торт, разнесли половину Тибидохса, здесь стало невозможно жить. Если разобраться, от

всей огромной школы трудновоспитуемых волшебников остались только подвал, Зал Двух Стихий и Большая Башня с Главной Лестницей. Но и они порядком пострадали.

По коридорам бродили сквозняки, среди ночи начинали хлопать рамы, а в многочисленные трещины захлёстывал дождь. Даже призракам, во множестве населявшим Тибидохс, и тем было неуютно. Лишившись своей любимой Башни Привидений, где они знали каждый закуток, призраки толпами шатались ночами по коридорам, стонали, гремели цепями и портили всем настроение.

К тому же время было далеко не летнее — декабрь. А разве возможно как следует заниматься, когда в классе по практической магии обледенел весь пол, а на снятии сглаза все ученики вынуждены сидеть в шубах, а зубы всё равно стучат так, что не выговоришь ни одного заклинания?

Таня встала, чтобы захлопнуть распахнувшуюся от сквозняка дверь. Закрывая её, она случайно увидела, как по коридору на цыпочках прошмыгнул Поклёп Поклёпыч — маленький кособокий человечек с крошечными глазками-буравчиками, бывший чёрный маг, перешедший в белые. К груди он прижимал здоровенную живую рыбину, колотившую его хвостом по носу. Таня догадалась, что суровый завуч Тибидохса бежит к пруду кормить русалку. Все удивлялись, что пруд с русалкой до сих пор не замёрз, и говорили, что тут точно не обошлось без мощной магии. От постоянно-

го переедания русалка жутко растолстела и характер у неё сделался на редкость сварливым. Целыми днями она валялась в тине, уплетала рыбу и швыряла во влюблённого Поклёпа водорослями и улитками.

И угораздило же обиженного купидончика подкараулить завуча и пустить в него стрелу! Академик Сарданапал уже несколько раз порывался снять с Поклёпа заклятие, но безуспешно. Любовная магия — самая тонкая и сложная из всех магий. Снять её может лишь тот, кто наложил. Да вот только купидончик наотрез отказывался — всё ещё дулся на Поклёпа, сломавшего его любимый лук.

— Ох уж эти русалки! Одно слово: нежить! Недавно пиявками его всего облепила — просто из озорства. Любишь, мол, так докажи. Так и ходил, бедолага, весь в пиявках. Одна прям даже на носу, — ворчала Ягге.

Прежде она не особенно жаловала Поклёпа, а теперь порой даже принималась его жалеть. Ягге была старой волшебницей,правлявшей в магпункте. Кроме того, она приходилась ещё и родной бабушкой Баб-Ягуну, хорошему приятелю Тани.

Таня сосредоточилась и, заставив ускользящие мысли вновь течь в одном направлении, засела за занятия. Ей пришлось это сделать, потому что справочник **«Драконы: разведение, дрессировка, лечение»** начал уже недовольно фыркать и пускать искры. Ещё немного — и он подпалил бы одеяло на кровати. С драконами лучше не шутить, даже если это не сами драконы, а всего лишь книга о них.

С недавних пор, не без влияния своего друга Ваньки Валякина, Таня твёрдо решила, что посвятит свою жизнь ветеринарной магии. Разве это не замечательно — лечить сфинксов, гарпий, русалок, кентавров, драконов, которых год от года становится в волшебном мире всё меньше и меньше? И это в волшебном! В мире же лопухоидов эти диковинные полумагические существа почти совсем перестали встречаться. Недаром лопухоиды — обычные люди — уже почти перестали в них верить.

К тому же Таня надеялась, что умение ладить с драконами поможет ей показать хорошие результаты в любимой игре всех магов — в *драконболе*. Правила игры просты: две команды по десять игроков, два дракона и пять мячей: чихательный, пламягасительный, одурительный, перцовый и обездвиживающий. Воротами служит пасть неприятельского дракона. Не каждому по силам забросить туда мяч, особенно потому, что битва ведётся в воздухе. Плюс ко всему дракон соперничающей команды вовсе не сидит на месте, послушно разинув рот. Напротив, он стремительно перемещается, изрыгает огонь и изо всех сил пытается проглотить замешкавшихся игроков. Поэтому нередко получается, что до окончания матча добрая половина нападающих томится в тесном драконьем желудке и надеется, что кто-нибудь забросит ему в пасть перцовый мяч, который заставит дракона их выплюнуть.

Именно поэтому Таня и мечтала теперь узнать всё о драконах и поладить с ними. Вспыльчивые, стреми-

тельные, яростные, драконы никому не подчинялись и не терпели никакой дрессировки. Даже к игрокам своей команды они привыкали с огромным трудом и часто по ошибке заглатывали их вместо игроков противника.

Таня вздохнула и перевернула страницу. До чего же тоскливо сидеть и зубрить один параграф за другим! Тем более что это не домашнее задание, а собственная блажь.

«ЗАГАДКА ОГНЕМЕТАНИЯ

Если ваш дракон перестал выдыхать огонь, это свидетельствует о его внутреннем затухании. В этом случае должна помочь настойка красного перца, горчицы и серы обыкновенной в сочетании 3:4:2, разбавленная нитроглицерином пополам со ртутью. Поить три раза в день по восемь вёдер. Смесь взрывоопасна! Не взбалтывать и тщательно соблюдать пропорцию».

— По восемь вёдер! — повторила Таня, прикидывая, каким образом вливать эти вёдра в дракона, если он, к примеру, не захочет открыть пасть! Ноздри ему, что ли, зажимать? Или, может, явиться с половником и: «Ути-пути! Открой ротик, малютка! Ложечку за мамочку, ложечку за папочку! И не вздумай толкать ведро, а то так рванёт, что от мамочки шнурков не останется!»?

Таня поморщилась. Вечно в этих справочниках понапишут, а потом ломай голову, разбирайся!

«Надо будет спросить завтра у Тарараха. Уж он-то точно знает, как пичкать драконов», — подумала она.

Бессмертный питекантроп Тарарах — преподаватель ветеринарной магии — был её любимым учителем. Пожалуй, только на нежитеведение к Медузии Горгоновой она ходила с таким же удовольствием. Да это и неудивительно, так как предметы во многом пересекались. Среди магических и полумагических существ встречалось немало опасной нежити, которую, перед тем как лечить, требовалось ещё и укротить. Именно этим — укрощением нежити и изучением её привычек — Медузия и занималась.

Неожиданно кто-то сильно толкнул дверь, и ввалилась Гробыня Склепова, соседка Тани по комнате. Гробыня была девочкой из тёмных магов, с очень специфическим чувством юмора. Её кровать в форме гигантского гроба занимала почти всё пространство у окна. А вешалкой ей служил скелет по прозвищу Паж. Пару раз в месяц он оживал и, щёлкая зубами, начинал бродить по комнате. Однажды он даже сожрал Танины ботинки.

Одним словом, Гробыня Склепова была та ещё особа. Худшей соседки по комнате не могло привидеться даже в кошмарном сне. Впрочем, Таня не жаловалась. Дочка дяди Германа Пипа, с которой она росла до того, как попала в Тибидохс, была ничуть не лучше.

Покосившись на Таню, Гробыня, не разуваясь, плюхнулась на кровать.

— Привет, дурацкая сиротка! У меня для тебя прекрасная новость, — заявила она. — От этой но-

восты ты облысеешь, а на носу у тебя появится новая родинка, ещё безобразнее той, которой ты лишилась по милости Той-Кого-Нет!

Таня оценивающе посмотрела на Гробыню, прикидывая, не запустить ли в неё боевой искрой. Ладно, пускай живёт. Если Гробыня в чём-то и виновата, так только в том, что у неё дома был скользкий подоконник, а у детской кровати, куда её впервые положили, не оказалось дна.

— Ну и что за новость? — спросила она.

Гробыня сложила ладонь подзорной трубой и, нарочито затягивая паузу, с интересом стала разглядывать Таню в дырочку.

— Как, ты не знаешь? Ты в курсе, что тебя завтра отсюда выпирают? Только вообрази: возвращаешься к своему зелёнькому дядечке-вурдалаку и его толстой жене, у которых ты жила на лоджии! Здравствуйте, вот и я, дайте мне дырку от бублика на обед и фантик от конфеты на сладкое!

— С какой это стати? Брось шутить, Склепова! — сказала Таня. Параллельно она припоминала, не натворила ли чего-нибудь в последнее время. Да нет, вроде всё было нормально.

Гробыня фыркнула:

— Какие уж тут шуточки! Нас всех отсюда выпирают. Жаль, не тебя одну. Отправляют по домам, пока Тибидохс не отстроят заново. Заниматься тут всё равно невозможно, вот Сарданапал и решил отослать всех учеников по домам. Наш декан, профессор Клопп, с ним согласился, так что мы, тёмные маги,

тоже отчаливаем... Ту-ту, на тихом катере! Чао-какао, Тибидохс!

Гробыня встала и, распахнув шкаф, стала бросать на кровать вещи, явно определяя, что взять с собой, а что оставить.

— Не забыть мини-юбку из летучих мышей, перчатки с когтями и чулки на каблуках! Надо, чтобы лопухоидов сразу глаза на лоб полезли, — бормотала она себе под нос.

«Это правда! Всё правда!» — осознала вдруг Таня.

В глазах у неё потемнело. Справочник выскользнул из рук и раздражённо принялся летать по комнате, выдыхая языки пламени, точно заправский дракон. Таня этого даже не заметила. Неужели придётся бросать такой родной, такой любимый Тибидохс и возвращаться к дяде Герману и тётке Нинели, которые терпеть её не могут, одевают в обноски и заставляют есть вермишель, такую скользкую, что она дохлым червяком висит на вилке, зато отлично прилепляется к кафелю в кухне?

Слёзы сдавили Тане горло. Она не могла больше оставаться в комнате и выбежала в коридор. В общей гостиной она увидела Баб-Ягуна и Ваньку Вальякина, которые, отойдя к окну, о чём-то негромко совещались. Едва взглянув на их убитые лица, Таня догадалась, что им уже всё известно. Так вот отчего сегодня они не заходили к ней целый день!

— Почему?! Почему вы мне не сказали?! А ещё друзья называются! Разве честно, что я узнаю обо всём от Гробыни! — крикнула она и, заметив, что

мальчишки разом повесили носы, бросилась вниз по лестнице.

— Погоди! Никто не понимает, почему Сарданапал так решил! Никто! Тут дело явно нечисто! — крикнул Ванька Валякин, худенький вихрастый мальчуган в длинной жёлтой майке, которую когда-то подарил ему отец, и единственный из всех учеников упорно отказывающийся переодеться в плащ и мантию Тибидохса.

Лучший Танин друг, он две недели прятал под кроватью гарпию и лечил её крыло. И это несмотря на то, что когти гарпии пропитаны смертельным ядом, а об их скверном характере ходят легенды!

Сейчас Ванька бросился было следом за Таней, но вскоре остановился и беспомощно сел на ступеньку.

Таня сама не помнила, как проскочила Зал Двух Стихий, свернула в широкий преподавательский коридор и оказалась у нового кабинета Сарданапала, куда он перебрался, когда рухнула Башня Привидений. Она толкнула дверь и, глотая слёзы, вбежала туда.

Таня застала Сарданапала в минуту крайней занятости. Академик белой магии, лауреат премии Волшебных Подтяжек, глава легендарного Тибидохса Сарданапал Черноморов гонялся вокруг стола за своим золотым сфинксом. Голодные книги по чёрной магии, которыми он иногда пользовался для снятия заклятий, взволнованно подскакивали и бились о прутья большой клетки.

— Нет, ты видела этого нахала! Утащил у меня мясо. А мне книги кормить! — заметив Таню, пожаловался академик.

Роскошные усы Сарданапала гневно завивались в колечки, а длиннющая борода то становилась невидимой, но вновь появлялась.

Таня хотела что-то сказать, но не смогла. Она лишь всхлипнула и, повернувшись, собралась выбежать из кабинета. Сарданапал поймал её за руку.

— Что с тобой, девочка? Опять снилась Чумадель-Торт? — с беспокойством спросил он.

Во всём Тибидохсе только двое — сама Таня и академик — не боялись называть грозную волшебницу, повелительницу хаоса, по имени. Остальные предпочитали употреблять неопределённое «Та-Кого-Нет».

— Это п-правда? Правда, что завтра надо будет в-возвращаться к лопухоидам? — заикаясь, выговорила Таня.

Усы Сарданапала удручённо повисли.

— Увы, — вздохнул он. — Увы! Видит Древнир, я старался, чтобы вы узнали об этом как можно позже, но другого выхода просто нет... На пару месяцев придётся прервать занятия. Я знаю, что тебе не хочется к дяде Герману и тёте Нинели, но хотя бы на время... Иначе просто невозможно.

— Но почему?

Академик беспомощно развёл руками, словно пытаясь разом охватить многочисленные трещины на стенах и потолке.

— Сама видишь! Тибидохс, которым мы всегда так гордились, походит на решето. Позавчера рухнула ещё одна угловая башня, а остальные держатся на честном слове. Магия уже не помогает. Да и какая тут магия? Не положишь же между каждым кирпичом по заклинанию! А отстроить Тибидохс за одну ночь было бы не по силам даже великому Древниру.

— А циклопы? А богатыри Усыня, Горыня и Дубыня? Они же работают! — недоверчиво спросила Таня.

Сарданапал презрительно поморщился:

— Как работают, ты видела? Эти гиганты удивительно бестолковы. Одну стену поставят — две обрушат. В Тибидохсе холодно, неудобно. Атланты уже не держат своды — что они могут держать, когда всё обвалилось? — и от безделья шатаются по коридорам. Вчера кто-то из них случайно наступил на профессора Клоппа — замечательного учёного и великолепного мага. Правда, в темноте его лысина смахивает на гриб, так что ошибку атлантов в принципе можно понять. У бедняги три закрытых перелома. Конечно, Ягге срстит ему кости, но потребуется время. Вот я и решил, что лучше вас всех выселить, хотя бы на время, и устроить капитальный ремонт. Согнать сюда всю нежить, всех леших, всех великанов, пригласить со стороны побольше джиннов — и заставить всех строить. Тогда будет толк.

— Но зачем нам уезжать? Мы могли бы жить в Большой Башне! Она же крепкая, да и места всем

хватит! — цепляясь за последнюю соломинку, предложила Таня.

Усы Сарданапала выпрямились и заметались, как автомобильные дворники.

— Нет, нет и ещё раз нет, — непреклонно сказал он. — Здесь никто не останется. Да, Большая Башня крепкая, но... Видишь ли, есть ещё одна причина, о которой ты представления не имеешь...

Академик опасливо оглянулся на сфинкса, чуть наклонился, поднёс палец к губам и прошептал:

— Только учти: то, что я скажу, — секрет! Никто не должен об этом знать! Клянёшься сохранить тайну?

Таня пообещала. Сарданапал склонился к самому её уху и сказал негромко:

— Три дня назад мы с Медузией и Поклёп Поклёпычем спустились в подвал и обнаружили, что фундамент дал трещины.

Таня пожала плечами. Она не увидела в этой новости ничего кошмарного или хотя бы интересного.

— Ну и что? — спросила она. — Трещин теперь везде полно! Вон угловая башня рухнула, и ничего, никто не испугался. Замазать их, да и все дела!

Сарданапал укоризненно посмотрел на неё:

— Ты не понимаешь. Трещины совсем близко от Жутких Ворот! И каждую секунду они могут пойти вглубь. Тогда из темницы вырвется хаос, вырвутся древние боги и не оставят от острова камня на камне! Это главная причина, по которой мы настаиваем, чтобы все ученики покинули Тибидохс. Здесь останемся только мы, преподаватели, и займёмся ремонтом все-

рьёз. Надеюсь, мы сумеем укрепить подвалы и создать прочную магическую преграду. Только помни: никому ни слова!

— Договорились, — кивнула Таня.

Озабоченность Сарданапала передалась и ей. Теперь она понимала, чем опасны трещины в фундаменте. Ведь Тибидохс не только школа для трудно-воспитуемых юных волшебников с белым и чёрным отделениями. Тибидохс — это ещё и крепость-тюрьма, в подвалах которой заточены древние духи, языческие боги и хаос.

После того как Шурасик, порабощённый Той-Кого-Нет, золотым мечом перерубил волос Древнира, тысячелетиями сохранявшийся баланс сил между добром и злом был нарушен. И хотя она, Таня Гроттер, сумела не позволить Чуме-дель-Торт открыть Жуткие Ворота и освободить хаос, такая угроза по-прежнему существовала. Силы зла бессмертны. Они там, в подвале, — режут и сотрясают Ворота. Теперь всё время придётся быть начеку.

— Можно я останусь? Я буду помогать. Ну пожалуйста! — попросила Таня.

Сарданапал покачал головой:

— Невозможно. Если останешься ты, захотят остаться и другие, а к чему это может привести, сама понимаешь... Мы и так идём на риск — отпускаем в мир к лопухоидам целую кучу недоученных волшебников! Кошмар! Поклёп Поклёпыч уже сейчас в ужасе от того, что вы там натворите.

Тане стало стыдно, что она не смогла сдержаться и ворвалась в кабинет к академику. Теперь, когда она узнала правду, ей стало ясно, что решение Сарданапала было единственно верным и отменить его не удастся.

— Кстати, Танюш, у меня к тебе одно поручение... — продолжал академик. — Не в службу, а в дружбу. Тебе придётся кое-что захватить с собой в мир к лопухоидам. Медузия подумала, и... э-э... я решил, что во время ремонта многое может пострадать или потеряться. Будет лучше, если мы отдадим это тому, кому доверяем.

— Что взять с собой? — заинтересовалась Таня.

Сарданапал наморщил лоб. Его усы запрыгали с таким оживлением и вдохновением, точно дирижировали симфонией.

— Во-первых, ты возьмёшь с собой Чёрные Шторы... — сказал он.

Таня едва не застонала. Только Чёрных Штор ей не хватало! Можно подумать, что они здесь, в Тибидохсе, испортили ей мало крови.

— Ой, только не это! — возразила она. — Зачем они мне нужны? Они же будут ночью летать и подглядывать сны. Или напугают кого-нибудь до полу-смерти.

— Вот именно поэтому за ними кто-то и должен следить, — парировал Сарданапал.

Таня кивнула. Она знала, что спорить с главой белого отделения Тибидохса бесполезно. Особенно когда Медузия за него подумала, а он решил...

— А ещё тебе нужно будет захватить с собой вот это! — Сарданапал щёлкнул пальцами, и из-под его стола выполз здоровенный кожаный чемодан.

Чемодан взлетел и на огромной скорости помчался к Тане. Девочка в испуге заслонилась ладонями, уверенная, что её сейчас сшибёт с ног. Но чемодан оказался лёгким. Похоже было, что он вообще пустой.

— А что там внутри? — спросила Таня, потянувшись к поблёскивающим замкам.

— СТОП! А вот открывать его не надо! — быстро сказал академик.

— Почему?

— Видишь ли... — Сарданапал замялся, оценивающе покосившись на Таню. — Ну да ты всё равно узнаешь. Там привидения.

— Привидения?.. — уныло переспросила Таня. — Рядом с привидениями Чёрные Шторы, которые ей подсунули вначале, сразу стали казаться пустяком. — А какие там привидения? Надеюсь, не Безглазый Ужас?

— Что ты, что ты! — заулыбался академик. — Ужас мы отдадим кому-нибудь из старшеклассников. В этом чемодане всего лишь Поручик Ржевский и Недолеченная Дама... Забери их с собой, а то они нам только мешают. Разумеется, нужно быть очень осторожной: лопухойды ни за что не должны узнать, что у тебя в чемодане. Они очень неправильно относятся к привидениям. Некоторые, говорят, даже хлопаются в обморок.

Таня убито уселась на чемодан. Вот так нагрузочка — совершенно в духе академика Черноморова. Ржевский опять будет отмачивать свои идиотские шуточки и щеголять двенадцатью ножами в спине, а Недолеченная Дама — с утра до вечера стонать и жаловаться на болячки.

— Поверь, волноваться тебе не о чем! — бодро продолжал академик, с каждой секундой всё больше воодушевляясь. — Видишь на ручке сургучную печать? На сургуче оттиск моего кольца. Привидения боятся его до жути. Недаром кольцо когда-то принадлежало повелителю духов! Но даже если бы сургуча и не было, они всё равно бы не вылетели.

— Почему? Разве привидения не проходят сквозь каменную кладку, не просачиваются сквозь стены? А тут всего лишь чемодан, — недоверчиво сказала Таня.

— Это особенный чемодан. Видишь ли, он сделан из кожи Минотавра, грозного полубыка, которого когда-то победил Тесей. Привидениям сквозь неё не пройти... Вот смотри!

Сарданапал поднял чемодан и энергично встряхнул его. Из чемодана, правда, никто не вывалился, зато заточённые в нём привидения оживились.

— Ура! Да здравствуют качельки! Ещё хочу! — с хохотом закричал Поручик Ржевский, а Недолеченная Дама застонала, что умирает, и потребовала, чтобы ей немедленно вызвали доктора.

— Я не могу больше находиться в обществе этого хама! Он не меняет носки и всё время рассказывает

одни и те же анекдоты! Он курит вонючие папиросы! Он наступил на мою шляпу с розочками! — пожаловалась она.

— Она всё врёт! — возмущённо закричал Поручик. — Это меня от неё надо спасать! Она целый день пьёт йод и перечисляет свои болячки! А эта её шляпка с розочкой! Ещё бы кактус нацепила! В гробу я её видел, в белых тапочках!

Таня с академиком понимающе переглянулись. Недолеченная Дама опять запричитала, грозя, что сейчас прибьёт этого мужлана зонтиком.

— Не голоси! Чего же ты хочешь? — спросил у неё Сарданапал.

— Поставьте мне градусник! Дайте мне микстуры! Выпейте со мной рюмку зелёнки на брудершафт! Или всех поубиваю! Подсыплю в чай крысиной отравы! Буду швыряться моим аппендиксом! — пригрозила Недолеченная Дама.

Академик Черноморов улыбнулся и покрутил у виска пальцем. Похоже, угрозы призрака его позабавили.

— Это они и у дяди Германа будут бесплатные концерты закатывать? — поинтересовалась Таня. — К нам же весь дом сбежится!

— А печать на что? Вот смотри! Берёшь её вот так и слегка проворачиваешь... Именно слегка, чтобы не оборвать проволочку! — Сарданапал сжал двумя пальцами сургуч, слегка повернул его, и голоса привидений разом смолкли, словно кто-то выключил звук.

— Вот и все дела! Это я называю «ставить на место» и «подкручивать гайки». Пока печать цела и чемодан закрыт, с призраками у тебя не будет никаких хлопот. Порой ты можешь даже позволять им проветриться, чтобы они не зачахли от тоски. Большого вреда я в этом не вижу, — сказал академик.

Неожиданно его золотой сфинкс насторожил уши и негромко зарычал. В коридоре послышались торопливые шаги, и в кабинет, спотыкаясь, вбежала Зубодёриха. Она была маленькая, кругленькая, молодая, с чёлкой на глазах, как у пони. У белых магов она преподавала снятие сглаза, а у чёрных — его наложение. Обожала читать заумные стихи и нюхать цветочки. Правда, это не мешало ей в учебных целях насыпать на учеников сильную порчу, так что они иногда по полчаса с резьбой в животе катались по полу, пытаясь вспомнить отменяющее заклинание.

— Это было ваше домашнее задание! В следующий раз будете ответственнее относиться к урокам! — говорила в таких случаях Зубодёриха, задумчиво крутя в пальцах василёк или ромашку.

Теперь же преподавательница по снятию сглаза вела себя так, будто была вне себя от ужаса.

— Академик! — крикнула она, задыхаясь. — Скорее!.. Исчезающий Этаж... он опять появился... Я только что поднималась по лестнице и видела, как туда скользнула чья-то тень, а потом... Это просто кошмар! Я едва жива!

Таня была поражена. До этого она могла поклясться, что преподавательницу по снятию сглаза совсем не

просто напугать. Однажды во время урока Безглазый Ужас — самый жуткий призрак во всём Тибидохсе — подкрался к ней и с жутким воплем кинулся на неё сзади. Скорее всего, Ужас рассчитывал, что она завизжит и опозорится перед всем классом, да только не на ту напал. Слегка обернувшись, Зубодёриха защитным заклинанием впечатала его в стену и как ни в чём не бывало продолжила объяснять тему. После этого случая ребята дали ей прозвище Великая Зуби, о котором она знала и которым гордилась.

Однако теперь Великую Зуби сложно было узнать. Неужели это она, едва живая от страха, висла у Сарданапала на рукаве?

— Академик, сделайте же что-нибудь! Умоляю! — восклицала она, то и дело испуганно оглядываясь. — Почему вы молчите? Вы же знаете, что раз Этаж появился, то... Надо немедленно что-то делать! По лестнице ведь может кто-то пойти, и тогда... Правда, я встретила Поклёпа, но если он не успеет...

— Тихо, Зуби! Потом поговорим! Мы не одни! — резко одёрнул её Сарданапал, кивнув на Таню.

Спохватившись, Зубодёриха зажала себе рот ладонью.

— Тебе пора идти!.. — Академик повернулся к Тане. — Передай, что завтра после обеда все должны быть в Зале Двух Стихий. Абсолютно все! Да, и чемодан захвати!

С любопытством покосившись на Зубодёриху, Таня попрощалась и вышла. На секунду у неё мелькнула мысль слегка подзадержаться у дверей, но следом за

ней из кабинета выскользнул золотой сфинкс и встал на страже. Академик Сарданапал умел охранять свои секреты.

— Не очень-то и хотелось! — хмыкнула Таня и пошла к себе. — Два месяца... Два месяца с дядей Германом, Пипой и тётей Нинелью, когда здесь начинается самое интересное! Взвыть можно! Уж лучше Чума-дель-Торт, чем дядя Герман! — ворчала она, пиная перед собой чемодан с привидениями.

Она уже подходила к Главной Лестнице, когда навстречу ей выскочил Поклёп Поклёпыч. Теперь завуч был без рыбины, зато до глаз заляпан тинной. Похоже, его свидание опять завершилось неудачно.

Заметив Таню, завуч решительно преградил ей дорогу. Его маленькие бесцветные глазки, собранные в кучку, впились девочке в лоб. Как бывало и прежде, Тане почудилось, что внутри у неё всё замерзает, — так действовал этот страшный властный взгляд.

— Ты куда идёшь? — рявкнул Поклёп. — А ну назад! По Главной Лестнице нельзя ходить!

— Почему нельзя? Всегда же было можно! — удивилась Таня.

— Не твоё дело, почему нельзя! С этой минуты я закрываю эту Лестницу! Навсегда! — крикнул Поклёп Поклёпыч и, отвернувшись, стал торопливо накладывать защитные заклинания.

Красные искры слетали с его кольца вперемежку с зелёными. Когда нужно было поставить защиту, завуч Тибидохса всегда охотно прибегал к чёрной магии.

А по коридору к ним уже топали циклопы. Мгновение — и они замерли по обеим сторонам от входа.

— Стоять здесь и никого не пускать! — велел им Поклёп. — А ты, Гроттер, иди! Здесь нельзя оставаться!

«Наверняка это тоже связано с Исчезающим Этажом... Ну разве это честно, что от нас всё скрывают?» — с грустью подумала Таня.

Глава 2

КУПИДОНЧИК В ШКАФУ

Во всей Москве не было семейства зануднее, склочнее и невыносимее, чем семейство Дурневых. Состояло оно из дяди Германа, тёти Нинели и их дочери Пипы (сокращённо от Пенелопы). Даже не верилось, что Дурневы состояли в родстве с Гроттерами. Правда, родство это было дальним: дядя Герман приходился троюродным племянником бабушки Леопольда Гроттера, отца Тани.

Других родственников среди лопухоидов у Гроттеров не было. Именно по этой причине, когда Танины родители погибли в схватке с Чумой-дель-Торт, Сарданапал и Медузия подкинули годовалую девочку дяде Герману, положив её на порог в футляре от контрабаса.

С этим футляром из драконьей кожи Таня и стояла теперь у дверей квартиры Дурневых. Только сейчас в футляре лежал летающий контрабас, а в левой руке она держала свёрток с Чёрными Шторами, перевязанный особым, обуздывающим магию шнурком. Пока шнурок был цел, Шторы были не в состоянии выкинуть ни одного из своих фокусов.

Рядом с Таниной ногой стоял чемодан, в котором вполголоса переругивались привидения. Дама дони-мала Поручика рассказами о своих болячках, которых было у неё больше, чем значилось в медицинской эн-циклопедии. Во всяком случае, за те долгие часы, что Таня летела над океаном, сжимая коленями лакирован-ные бока контрабаса, Дама успела перечислить только те свои недуги, которые начинались на букву «а».

Тане это чем-то напомнило дядю Германа с его чу-довищной мнительностью. Стоило Дурневу случайно чихнуть, как он немедленно ехал консультироваться к своему доктору. Если же к чиху добавлялся ещё и насморк, дядя Герман ложился на кровать, скрещи-вал на груди ручки и принимался многословно про-щать с тётёй Нинелью и Пипой.

«Два месяца! Я должна прожить тут целых два месяца!» — повторяла Таня, с тоской глядя на дверь и не решаясь нажать на кнопку звонка.

— Тише! Я сейчас буду звонить! — сказала она разошедшимся призракам.

— Ухти-пухти, как страшно! Я уже в обмороке! — хохоча, завопил Поручик Ржевский.

— Как, ты сказала, зовут твоих родственников? Дядя Пульман и тётя Фланель? Я покажу им мои гланды и расскажу про печёночные колики!.. Уверена, это будет для них поучительно! — с воодушевлением сказала Недолеченная Дама.

— О да! О да! Куда уж интереснее! — передраз-нил Поручик. — У меня просто голова от интереса отваливается! Ой, держите её!..

Чмяк! Недолеченная Дама громко взвизгнула.

— А вы, армейский остряк, приставьте свою голову на место! Нашли где головами разбрасываться!.. Брр, мерзость какая! Она так противно моргает у меня на коленях! — сердито крикнула она.

Поручик снова разразился идиотским смехом.

— Я вас предупреждала! Или сидите тихо, или... Короче, сами напросились! — Таня поправила на чемодане сургучную печать, и оба привидения мигом притихли.

Набравшись храбрости, Таня нажала на кнопку звонка.

«Интересно, как Дурневы отнесутся к моему возвращению? Скорее всего, не очень обрадуются!» — подумала она.

Дребезг звонка ещё не смолк, а в квартире уже залаяла такса. Таксу звали Полтора Километра. Толстая и склочная, она была достойным членом семейства Дурневых. Её любимым занятием было хватать гостей за пятки. Если же её прогоняли в коридор, то Полтора Километра от злости слюнявила стоящие там ботинки.

Ещё через полминуты в глубине квартиры распахнулась дверь, и по линолеуму гулко забухали толстые пятки. Таня поёжилась. Тётя Нинель! Её шаги можно было узнать из тысячи.

— Почему ты лаешь, мой крысёночек? Иди к мамуле на ручки! — засюсюкала тётя Нинель.

Её толстые пятки перестали наконец шлёпать, и Таня поняла, что её пристально разглядывают в глазок.

— О нет! — дурным голосом взывала тётя Нинель. — О нет! Герман! Герман! Это твоя племянница! Недаром меня сегодня всю ночь душил какой-то скелет!

Послышались ещё чьи-то шаги. На этот раз они были негромкие и звучали примерно так: «цук-цук-цук». Дядя Герман был втрое легче своей супруги. Тощий, с зелёным лицом, он сильно смахивал на вурдалака. И даже, кажется, был в родстве с графом Дракулой. Но не по Таниной линии, а по какой-то совсем другой. Так, во всяком случае, утверждала Ягге.

Вот только, в отличие от своего клыкастого родственника, дядя Герман не был магом. И вообще не верил в волшебство. Вот бы он удивился, если бы узнал, что эти несколько месяцев Таня жила не на вокзале, а училась в настоящей школе для магов!

— Да, это она! Я же говорил: ударят морозы, и она притащится как миленькая! — услышала Таня ехидный голос дяди Германа. — Пипа, Пипа, иди сюда! Посмотри и ты тоже!

Догадавшись, что у глазка сейчас появится злорадствующая Пипа, Таня в профилактических целях высунула язык. Ей было хорошо известно, что дурневская дочка терпеть её не может. Всё раннее детство Тани было отравлено общением с Пипой. Сколько раз та обижала её, запирала на лоджии, ябедничала, устраивала пакости! За то время, что Таня была в школе магии Тибидохс, Пипа едва ли могла измениться к лучшему.

— Танька Гроттер! О нет! Только её тут не хватало! Я так надеялась, что с ней что-нибудь случилось! Что ей кирпич на голову упал или её в тюрьму посадили! — завопила Пипа, отрываясь от глазка.

— Пипочка, что ты говоришь! Так нельзя. Мы должны жалеть бедную сироту. Она же не виновата, что у неё были никчёмные родители и она сама точно такая же никчёмная, — елеённым голоском сказала тётя Нинель.

— Не-ет! Мам, пап, не открывайте! Давайте забаррикадируемся и не впустим её! Пусть катится откуда пришла! — завизжала Пипа, оттаскивая мамашу от двери.

— Успокойся, Пипочка! Нельзя её не впустить. Об этом узнают журналисты и испортят твоему папе карьеру. Лучше потом мы потихоньку сплавим её в интернат строгого режима для детей с уголовными наклонностями, — зашептала тётя Нинель.

— Почему потом, а не прямо сейчас? — закричала Пипа. — Если вы её впустите, я уйду из дома! Это из-за неё я хожу лысая! И чаем меня тоже она ошпарила!.. Дайте ей коврик, и пусть ночует на лестнице! Ясно вам?

Однако тётя Нинель и дядя Герман решили иначе. Щёлкнул замок, дверь распахнулась, и Таня оказалась лицом к лицу с Дурневыми. Впереди всех неприступным бастионом возвышалась тётя Нинель, похожая на бегемота в домашнем халате и мягких тапочках. В руках у неё клокотала такса. Чуть сбо-

ку стоял дядя Герман, а из-за его спины выглядывала Пипа.

Волосы, которых Пипа лишилась, попытавшись залить клеем волшебную книгу, успели слегка отрасти и теперь торчали коротким колючим ёжиком. Зато прыщей у Пипы стало вчетверо больше. И ещё она была в пижаме. «Значит, у лопухоидов теперь ночь! Ой, я же сама видела, что ночь! Как же я сразу не сообразила? Перебудила всех!» — спохватилась Таня.

Однако в данном случае это обстоятельство сыграло ей на руку.

— Ты знаешь, сколько времени? Почти три часа! — раздражённо сказала тётя Нинель. — Сегодня уже поздно, я с тобой завтра поговорю!

Дядя Герман пока молчал, однако его маленькие глазки злобно сверлили незнакомый кожаный чемодан и сверток с Чёрными Шторами. Таня догадалась, что сейчас Дурнев непременно поинтересуется, что это такое и где она взяла эти вещи.

— Дядя Герман, а как поживают ваши кролики? — спросила она, надеясь смягчить его. — Уже спят?

Её вопрос — самый, казалось бы, невинный — заставил всех Дурневых посинеть от злости. Они терпеть не могли вспоминать об этом эпизоде в их жизни. О том, как дядя Герман, пытаясь дать Тане затрещину, попал рукой по магическому контрабасу. А волшебные инструменты не любят, когда с ними так обращаются. В результате дядя Герман возомнил

себя кроликом Сюсюкалкой, завёл в квартире целых сто ушастых собратьев и даже дал интервью по телевизору, заявив, что отказывается от политической карьеры, потому что обожает животных...

— Чтоб я больше не слышала о кроликах! Мы отдали их в зоопарк! Ясно тебе? Хищников тоже надо кормить, — злорадно произнесла тётя Нинель.

— Между прочим, папулю снова избрали депутатом! Избиратели почти единогласно проголосовали за него после того интервью... Папуля теперь жутко популярен! У него даже автографы берут! — добавила Пипа.

— Но ведь дядя Герман... Он и правда их любил! — удивилась Таня. — Он же сам был кроликом Сюсю...

Дядя Герман затопал ногами. Так как он был очень тощий, то, чтобы топать громче, ему приходилось высоко подпрыгивать.

— НЕТ! Молчать! Никем я не был! Я Герман Дурнев, депутат! Глава самой доброй фракции и председатель самого гуманного комитета! Ясно тебе?! — брызжа слюной, взревел он.

Он так позеленел, что Таня испугалась, что он её ударит, и на всякий случай отодвинулась.

— Ясно, ясно. Вообще-то я уже иду спать... — сказала она, грустно подумав, что как кролик дядя Герман был куда симпатичнее.

Хоть дядя Герман едва её не придушил, зато воспоминание о «морковно-капустном» периоде его жизни

заставило самого доброго депутата забыть про подозрительный чемодан. Он сжал руками виски и, раскачиваясь как маятник, ушёл в спальню. За ним, семена короткими ножками, убежала Пипа. С Таней осталась только тётя Нинель.

— Сейчас зима, на лоджии холодно, поэтому ляжешь в большой комнате! И попробуй только шагать ночью по квартире — шкуру спуцу! Свет не включать! Телевизор не трогать! — сказала она, глядя куда-то в стену над Таниной головой.

Тётя Нинель закрыла входную дверь на все замки, задвинула цепочку и удалилась вслед за дядей Германом.

«Добро пожаловать! Вот я и дома!» — грустно подумала Таня.

Забравшись на диван, она обхватила руками колени. Ей вспомнилось прощание с Баб-Ягуном и Ванькой Валялкиным. Расставаясь, они обменялись адресами. Будут ли они писать? Всего шесть часов назад она вылетела из Тибидохса, но уже теперь одиночество глодало её как червь. Ей ужасно нужен был кто-то близкий и любящий, кому можно обо всём рассказать.

Она задвинула чемодан с привидениями под диван, положила свёрток с Чёрными Шторами на кресло и легла, прижав к себе контрабас.

— Только ты у меня остался! Даже не знаю, сможем ли мы здесь с тобой летать, — всхлипывая, сказала она.

Струны контрабаса печально загудели.

* * *

Потянулись тоскливейшие дни. Дурневы словно сговорились отравить Тане жизнь, сделать её как можно невыносимее.

Пипа шпионила за ней целыми днями и чуть что мчалась ябедничать. Тётя Нинель донимала бесконечными придирками, а дядя Герман вообще её не замечал, словно это была не Таня, а пустое место. Он даже по имени к ней почти не обращался, а когда однажды в кухне Таня случайно села на его стул, дядя Герман брезгливо потребовал:

— Уберите *это* отсюда! *Это* здесь не сидело!

Зато когда к ним приходили журналисты, дядя Герман неузнаваемо преобразался. Он заставлял Таню сидеть рядом с собой, обнимал её за плечи и говорил:

— Я ужасно рад, что она нашлась! Она мне как родная! Хотя, знаете, с этой девчонкой столько проблем. Мы с женой взяли её из трудной семьи...

— Почти что с помойки! — немедленно влезала Пипа.

— Дочка! Это невежливо! — фальшиво ужасалась тётя Нинель, но тотчас начинала громко шептать: — Хотя, говоря по секрету, так оно и было... Каких трудов нам стоило её отмыть и элементарно научить пользоваться ножом и вилок!

Таня терпеливо сносила всё это, хотя в сто раз была чище Пипы, а уж вилок пользовалась явно лучше самой тёти Нинели, которая чистила ею ногти. Просто Дурневы обожали говорить гадости про Леопольда Гроттера и его жену Софью.

До десяти лет Таня не знала, что её родители погибли. Она думала, что её папа сидит в тюрьме, а мама попрошайничает на вокзале. Так ей, во всяком случае, врал Дурневы. Лишь в Тибидохсе она узнала правду: Леопольд и Софья Гроттеры были величайшими магами и погибли, защищая её, когда Тане не исполнилось ещё и года.

В школе же — в её старой лопухоидной школе — всё было вообще кошмарно. Таня и не предполагала, что успела так от неё отвыкнуть. Все предметы казались ей ужасно бестолковыми. Не было ни летающих журналов, ни закопчённых котлов, ни преподавателей, спускавшихся с потолка на гамаке, как профессор Клопп. Никто не лечил на уроках грифонов, как Тарарах, и не накладывал сглаз, как Зубодёриха, чтобы веселее было учить заклинания. Всё было скучно и обычно. А самое скверное — что не было магического пилотажа, любимого предмета Тани.

Одноклассники, науськанные Пипой, смотрели на Таню подозрительно и всё допытывались, куда подевалась её родинка с кончика носа. Она что, пластическую операцию сделала? Откуда им было знать, что то, что они принимали за некрасивую родинку, на самом деле было талисманом Четырёх Стихий, исчезнувшим во время схватки Тани с Чумой-дель-Торт?

Зато Генка Бульонов — бестолковый увалень, когда-то случайно подглядевший, как Таня летает на контрабасе, — ходил за ней по пятам и приставал

с дурацкими расспросами. Вскоре Тане это надоело, и она всерьёз стала подумывать, не наложить ли на него какую-нибудь небольшую порчу, чтобы он отстал.

Вернувшись в пятницу из школы, Таня обнаружила, что тётя Нинель стоит у кресла и держит в руках свёрток с Чёрными Шторами.

«Вот дырявая голова! И почему я их не спрятала?» — спохватилась девочка.

С криком «Не открывайте! Не надо!» Таня бросилась к свёртку, но тётя Нинель уже щёлкнула ножницами. Перерезанный магический шнурок скользнул на пол и, превратившись в юркую змейку, быстро уполз за батарею.

— Какие тяжёлые кисти! А знаешь, ничего! Старомодные, но стиль есть!.. Где ты их взяла? — подозрительно спросила Дурнева, разглядывая Шторы на свет.

— Мне их дали...

— Ах да, знаю... тот самый чокнутый старичок! — презрительно воскликнула тётя Нинель.

Зная, что Дурневы всё равно ей не поверят, Таня ничего не рассказала им про Тибидохс. Они же отчего-то решили, что девочка прожила целый месяц у какого-то старичка и его жены, адрес которых отказывается говорить. И этот задвинутый старичок якобы и подарил Тане Шторы и чемодан.

— Знаешь, что я решила? Я повешу их у себя в спальне! Это будет стильно! — заявила тётя Нинель. — Только вначале их нужно сдать в химчистку! На них грязи три килограмма!

— Их нельзя в химчистку! Ни в коем случае! — испугалась Таня, заметив, что края Штор гневно затрепетали.

Как всякий уважающий себя волшебный предмет, Шторы ужасно гордились, что их не стирали со времён Древнира.

— Можно, нельзя... У тебя забыла спросить! Марш делать уроки! — фыркнула тётя Нинель и ушла, перекинув Чёрные Шторы через плечо.

Разумеется, она не могла заметить того, что отлично было видно стоявшей позади Тане. А именно что Чёрные Шторы мстительно изобразили скрещённые кости и череп. Причём череп почему-то неуловимо смахивал на лицо тёти Нинели.

Таня вздохнула, поняв, что тётю Нинель ей не переубедить. Она толстокожая, как бегемот, и упрямая, как целое стадо ослов.

— Ну и ладно! Я предупреждала. Зато теперь она не будет жаловаться на бессонницу! — пробурчала Таня и заглянула под диван, проверяя, цел ли чемодан с привидениями.

Чемодан был на месте, и Таня успокоилась. Значит, Пипа сюда ещё не добралась, хотя и шастала всё время где-то поблизости.

* * *

Той ночью Таня долго не могла заснуть. Она лежала на диване, смотрела в белеющий над головой потолок со здоровенной хрустальной люстрой, похожей на осиное гнездо, и думала о Тибидохсе.

За окном выла вьюга. Она подхватывала сухой колючий снег и, покрутив его, бросала в окно. Тане постоянно казалось, что кто-то барабанит в стекло, поэтому, когда в форточку на самом деле постучали, она не сразу обратила на это внимание.

Только когда стук стал совсем уж громким, Таня повернулась и... едва не закричала от восторга! Невероятно! Снаружи висел купидончик в красных подтяжках, продрогший до невозможности.

Купидоны, или амуры, были почтальонами волшебного мира. Целыми днями с сумками через плечо они носились от одного мага к другому, раздавая им письма, посылки и телеграммы.

Таня распахнула форточку. Купидончик влетел в комнату и, сердито попискивая, принялся вытряхивать снег из колчана со стрелами. Потом он точно так же стал трясти свою почтальонскую сумку, и из неё выпало два конверта, слегка размокших от снега. Одно письмо было от Баб-Ягуна, другое — от Ваньки Валялкина.

— Ура! Почта! — обрадовалась Таня, прижимая письма к груди.

Так и не решив, какое из двух читать первым, она с закрытыми глазами перетасовала конверты и открыла тот, что оказался сверху. В нём было послание от Ваньки Валялкина.

Привет! У меня вроде всё нормально. К родителям я не пошёл, ты же знаешь, какие они у меня. Пьют просто жутко. Но если бы я к ним заявился, стали бы за ремень хвататься — это ясное дело.

Живу я теперь у бабушки, скучаю по Тибидохсу... Помнишь, как здорово было лечить жар-птицу и единорогов? А вот с гарпиями лучше не связываться: они кошмарно пахнут и когти у них острые.

Тут недавно в школе один парень, старше меня, ему уже тринадцать, стал задираться, влез в мой рюкзак и выпил настойку для русалок. Рыбья чешуя ему страшно не идёт, ведь она у него и на ладонях, и на щеках, и на шее, а я не знаю, как сделать, чтобы она пропала. Написал Тарараху, но он пока не ответил. И неизвестно, ответит ли, потому что с грамотой у питекантропов не ахти. Но ведь Тарарах и попросить кого-нибудь может, если захочет... Того же Клоппа, или Ягге, или Зубодёриху. С другой стороны, этому парню так и надо, потому что он мне просто житья не давал. Вот такие вот дела! И ты мне тоже пиши, не пропадай.

Я часто о тебе вспоминаю. Ведь ты же знаешь, что я... (далее несколько слов было много-много раз зачёркнуто). Короче, пока! Пиши!

Кстати, совсем забыл тебе сказать. Недавно я видел огромную птицу. Ну ужасно похожа на Мёртвого Грифа! Правда, я так и не понял, он это или не он. Если он, непонятно, что он делает в мире у лопухоидов. Ну всё, ещё раз пока, на всякий случай будь поосторожнее.

Твой друг Ванька

Внимательно рассмотрев на свет зачёркнутые слова, Таня засмеялась и вскрыла конверт от Баб-Ягуна. Если Ванька написал своё письмо на обычном листе, криво вырванном из школьной тетради, то Баб-Ягун использовал большой кусок бересты. На обратной стороне бересты был рецепт его бабки Ягге, в котором она прописывала кому-то крокодильи слёзы и молодильные яблоки.

Письмо Баб-Ягуна было совершенно в его духе, то есть без «здрасьте», без «до свидания», даже без знаков препинания. Сплошной поток сознания: что вижу, то и пишу.

Зато пришло оно не откуда-нибудь, а из самого Тибидохса. Баб-Ягун был единственным учеником, которому позволили остаться в школе на время ремонта. Сарданапал просто не мог никуда его отдать, потому что в мире лопухоидов у Баб-Ягуна не было родственников. У него вообще никого не было, кроме Ягге.

Я тут недавно пылесос разобрал поставил новую насадку на трубу теперь он у меня не будет чихать при взлёте правда бабушка говорит всякий раз как я чиню пылесос она мне потом кости срацивает потому что нечего внутрь лезть если руки растут как у меня а как они у меня растут нормально как у всех интересно а ты когда-нибудь разбирала свой контрабас хотя там наверное ничего внутри нет стоящего Таня ты отлично

играешь в драконбол мы всё время с бабусей тебя вспоминаем как ты здорово забросила тогда пламягасительный мяч в пасть дракону оборотней мы тогда все просто обалдели кое-кто вообще чуть со скамейки не грохнулся жаль только матч не был закончен потому что драконы подрались а этот свинья Шурасик перерубил волос Древнира и заварил всю эту кашу ну да ладно авось ещё поиграем недавно я был в ангарах у драконов Гоярын теперь в спячке а у Ртутного рана от копья уже заросла хотя Тарарах каждый день к нему приходит как и раньше

Тут чего-то странное в Тибидохсе творится мне ничего не говорят да только Поклёп как ты помнишь перекрыл Главную Лестницу и они все чего-то боятся понаставили всюду кучу заклинаний просто невозможно стало ходить каждую секунду чего-то срабатывает а ещё тут сейчас такая стройка идёт что о-го-го домовых отовсюду собралось и леших и великанов и нежити всякой ну прям не поверишь сколько строят днём и ночью Усыня с Горыней только успевают им камни подносить а Дубыня не носит потому что ему подвесной мост на голову упал он хотел выяснить как мост работает и сунулся макушкой бабуся говорит другого бы прибило а он ничего только получил сотрясение мозга и с тех пор всё время хихикает но скоро перестанет

Как там твой дядя Герман не очень достаёт если очень ты мне скажи я с ним разберусь он ведь такой же вредный как Та-Кого-Нет да вот ещё

одна новость когда в подвале разбирали завалы *Ту-Кого-Нет* не нашли Сарданапал говорит ничего страшного но ведь должно было хоть маленькое пятнышко остаться

Недавно я слышал как Зубодёрixa говорила про это с Тарарахом только они сразу замолчали когда меня увидели и велели мне идти куда я шёл а я никуда не шёл я так просто гулял потому что мне одному тут скучно бабуся говорит уроки учи но чего я больной учиться когда никто не учится и занятий нет может я скоро попытаюсь пробраться на ту Лестницу которую Поклён перекрыл потому что ужасно неудобно всё время далеко ходить Лестница как Лестница чего там может быть страшного

Ну всё я пошёл а то купидону надоело ждать пока я письмо закончу и он тут у бабуси конфеты искал и все настойки разлил ну и влетит же мне потому что он-то улетит, а бабуся у меня с характером ей обязательно надо кому-нибудь по первое число всыпать

Таня перечитала письмо Баб-Ягуна два или три раза, прежде чем разобралась в его каракулях.

«Опять свой пылесос разобрал!» — весело подумала она, решив, что Баб-Ягун ничуть не изменился. Всё так же любит возиться с магической техникой. Лучше бы он правда унял свои беспокойные ручки, потому что пылесос с вертикальным взлётом — штука деликатная и требует особого обращения.

Тане захотелось заодно перечитать и письмо от Ваньки, но тут кто-то принялся возмущённо попискивать и дёргать её за ночную рубашку. Купидончик! Она совсем о нём забыла! Тане стало совестно, что она не побеспокоилась о почтальоне.

— Ты замёрз? Хочешь у батареи погреться? — спросила она.

Купидончик замотал головой и показал пальцем сперва на свой рот, а затем на живот. Он явно требовал, чтобы его накормили. Пухлые купидончики были ужасными сладкоежками. Недаром за доставку почты с ними обычно рассчитывались пирожными или конфетами. Никаких других средств оплаты они не признавали.

— Хорошо, пошли на кухню. Только тихо... А то ещё проснётся кто-нибудь, — прошептала Таня и первой выскользнула в коридор.

Квартира самого доброго депутата, родственника графа Дракулы Германа Дурнева была совсем не маленькой. Одних только туалетов тут было целых три штуки, а в коридоре отыскалось даже место для пальмы. Вот только Тане было здесь неуютно. Куда больше ей нравились запутанные лабиринты Тибидохса — с гудящими сквозняками, с таинственными ларями в нишах и с проеденными молью турецкими коврами-самолётами, в которых мягко утопали ноги.

Купидончик, не отставая, летел за Таней, в предвкушении сладкого хлопая подтяжками. В темноте он

не разглядел поворота и врезался лбом в дверь комнаты Пипы. Бабах!

— Кто ко мне припёрся? Чего надо? — сонным голосом крикнула из-за двери дочка дяди Германа.

Купидончик, растирая шишку на лбу, принялся возмущённо пицать, высказывая всё, что думает об этой двери. Таня схватила его и зажала рот.

— Я спрашиваю: кто там? — нервно повторила из-за двери Пипа.

Таня поняла, что ещё секунда — и Пипа начнёт визжать. Надо было срочно что-то придумать.

— Ав-ав! — негромко гавкнула Таня, царапая ногтями дверь. Уж что-что, а передразнивать таксу она умела просто отлично.

Услышав знакомый лай, Пипа мигом утихомирилась.

— Убирайся отсюда, Полтора Километра! Не пушу! Ты мне тапки обслюнявишь! — зевнула она, падая носом в подушку.

На кухне у шкафа, в котором тётя Нинель хранила сладкое, Таня в замешательстве остановилась. Она была уверена, что Пипа ещё с вечера обклеила шкаф секретными нитками и волосками. Если хоть один из них будет оборван, завтра поднимется страшный визг.

Но откуда Пипе было знать про существование отличного заклинания «*Туманус прошмыгус*», которому Таня обучилась у Гробыни! Тому, кто использовал это черномагическое заклинание, можно было не опасаться замков и запоров. Правда, во все запертые двери входить нужно было только спиной вперёд.

Прошептав «*Туманус проимыгус!*», Таня отвернулась и, просунув руку сквозь дверцу шкафа, принялась шарить внутри. Зашуршали многочисленные пакеты. Хотя тётя Нинель вечно сидела на диете, это не мешало ей регулярно пополнять запасы.

— Ага, вот... Ты что хочешь: печенье, вафли, конфеты, пирожные, шоколад или мармелад? — спросила Таня, на ощупь определяя, что где лежит.

Купидончик начал возбуждённо подпрыгивать и стучать себя по животу, показывая, что хочет абсолютно всё.

— А не лопнешь? — удивилась Таня. — Ну ладно, ты сам хотел.

Когда через полчаса она выложила на стол последнее пирожное, купидончик не смог даже пропихнуть его в рот, хотя пытался сделать это обеими руками. Его живот растянулся, как резиновая груша, а подтяжки, казалось, готовы были лопнуть.

Благодарно пискнув, купидончик замахал крыльшками и попытался взлететь. Однако самое большее, что у него получилось, — это оторваться на полметра. Здесь силы окончательно оставили перекормленного почтальона. Он осоловело захлопал глазками, блаженно улыбнулся, сложил крыльшки и — с ужасным грохотом рухнул носом на стол. Таня бросилась к нему. Она была убеждена, что купидончик свернул себе шею, но свернувшие шею так сладко не посапывают и не подкладывают под щёку упаковку от вафель.

Таня запоздало вспомнила, что Медузия на занятиях по *нежитеведению* советовала им ни в коем случае не перекармливать купидонов, потому что они не знают чувства меры. Но он так умильно просил, что она не удержалась.

«И что мне теперь с ним делать?» — подумала Таня.

Ругая себя, она стала сметать со стола крошки, но тут в глубине квартиры послышались чьи-то торопливые шаги. Размышлять было уже некогда. Подхватив купидончика, Таня ухитрилась затолкать его в посудный шкафчик. Едва она захлопнула дверцу, как кто-то ворвался в кухню.

Вспыхнул свет. Ослеплённая Таня закрыла глаза. Когда же она вновь их открыла, то обнаружила, что перед ней стоит разъярённый дядя Герман. У его ног заливалась лаем предательница-такса.

— Что ты тут делаешь?! Кто тебе разрешил приходить ночью на кухню?! Ты же знаешь, как я чутко сплю! — взревел дядя Герман. — Тебе мало было на ужин рисовой каши? А может, она тебе не понравилась?

— Нет, достаточно. И я обожаю, когда каша прилипает к тарелке, — сказала Таня, пытаясь ногой незаметно затолкать под стол фольгу от шоколада.

Разумеется, от пронизательных глаз самого доброго депутата это не укрылось.

— Лжёшь! Ты наглая испорченная лгунья! Вся в своего отца! — прошипел он. — Живо иди к себе

и не смей никуда выходить! Утром я с тобой разберусь!

Таня повернулась и, пожав плечами, отправилась в свою комнату. Дядя Герман, раздражённо сопя, тащился за ней следом. На кухне осталась одна такса. Она подозрительно огляделась, принялась и принялась рычать на посудный шкафчик.

Через некоторое время дверца шкафчика распахнулась. Оттуда выглянул сердитый купидончик, на голове у которого была нахлобучена любимая синяя чашка тёти Нинели. Увидев купидончика, Полтора Километра зачихала от злости.

Купидончик не выносил бытового хамства. Недолго думая, он столкнул на таксу большую кастрюлю, накрывшую её с головой. Испуганно взвизгивая, кастрюля заползла под стул. Зевнув, купидончик аккуратно закрыл дверцы, подложил себе под голову колчан и вновь заснул.

* * *

Утром Таня ждала от Дурневых разноса и даже сурового наказания, но дядя Герман рано уехал по делам, а тётя Нинель была во вполне благодушном настроении. Когда Таня пришла на кухню, она сидела за столом и ела лимон. Стоило Тане взглянуть на это, у неё сразу свело челюсти. Сама же тётя Нинель даже не морщилась.

— Каждый уважающий себя человек должен обязательно съесть с утра целый лимон! — бодро сообщ-

шила она девочке. — Это крайне полезно! Восстанавливает кислотность и очищает мозговые извилины от излишней информации! Поддай мне, пожалуйста, блюдце! Мне некуда выплёвывать косточки!

Таня двинулась было к посудному шкафчику, но внезапно сообразила, что там спит перевеший почтальон.

— Чего копаешься? Хочешь, чтобы я сама встала? — нетерпеливо крикнула тётя Нинель.

— Не надо, я сама! — Стараясь загородить спиной дверцу, Таня осторожно приоткрыла шкафчик и с облегчением перевела дух. Купидончик исчез. Похоже было, что он проснулся рано утром и улетел.

Таня передала тётке блюдце и села рядом.

— Ах да! Сегодня утром принесли из химчистки твои шторы... — сказала Дурнева.

— Уже? — испуганно спросила Таня. Она не думала, что в химчистке управятся так быстро.

Тётя Нинель подняла брови.

— Для меня это тоже было неожиданно. Кстати, раньше я почему-то не замечала, что у нас в химчистке работают одни зайки, — сказала она.

«Вскоре тут тоже будут жить одни зайки», — подумала Таня, но распространяться не стала. Зачем загружать очищенные лимоном извилины тёти Нинели излишней информацией?

Из-под стола донеслось тьякканье. Полтора Километра, расслабленная и рассеянная, лежала на коврикe и умильно смотрела на старую кепку дяди Германа,

которую самый добрый депутат обычно нахлобучивал в тёплое время года, оберегая темечко от солнечного удара. На лбу у таксы была шишка, а рядом с кепкой лежала перевёрнутая кастрюля.

В воскресенье сразу после завтрака тётя Нинель и Пипа уехали в клуб играть в боулинг. Таню они не взяли, да она и не рвалась. После драконбола все остальные игры кажутся неинтересными. Да и разве что-то может сравниться с тем, когда вокруг свистит ветер, а ты, сжимая коленями контрабас, уносишься от настигающего тебя дракона, а потом, резко уйдя в пике, забрасываешь ему в пасть пламягасительный или перцовый мяч!

Воспользовавшись тем, что ей никто не мешает, Таня написала письма Ваньке Валялкину и Баб-Ягуну. «Спрячу их под ковёр, а ночью отправлю!» — решила она.

Вызывать купидона днём было опасно. Пухлый мальчуган с крылышками, щеголявший в красных подтяжках, наверняка бросился бы в глаза лопухоидам.

Таня выдвинула из-под дивана кожаный футляр, ладонью стёрла с него пыль и щёлкнула старинной застёжкой. Крышка откинулась, и девочка увидела магический контрабас мастера Феофила Гроттера — великого изобретателя и не менее великого ворчуна, чей голос жил теперь в её кольце.

В Тибидохсе Таня тренировалась каждый день, и теперь, стоило ей взглянуть на инструмент, у неё

появилось неудержимое желание вновь испытать восторг полёта.

«Конечно, Медузия и Сарданапал предупреждали: лопухойды, мол, увидят, и всё такое... Но ведь должна же я практиковаться, а то как весной играть в драконбол? А чтобы лопухойды не заметили, я просто наберу нужную высоту, и всё. Не станут же они всматриваться в крошечное пятнышко, да ещё и против солнца?» — легко находя себе оправдание, подумала Таня.

Она оделась и, захватив контрабас, выскользнула на лоджию.

Был солнечный морозный полдень. Выпавший за ночь снег искрился так, что глазам было больно на него смотреть. Таня забралась на контрабас, поудобнее перехватила смычок и, шепнув «*Торопыгус угорелус*», выпустила из кольца зелёную искру.

У-у-у!

В тот же миг контрабас сорвался с места и пулей взмыл в небо. Недаром Таня использовала самое скоростное из всех существующих полётных заклинаний. Мгновение — и она уже неслась, ловко лавируя между многоэтажными домами. Когда ей нужно было сделать вираж, она наклонялась вперёд, крепко обнимала локтем гриф и смычком указывала контрабасу направление.

Воображая, что за ней гонится дракон противника, Таня то круто взмывала ввысь, то камнем падала вниз, уходя от его атак. Ей давно хотелось отработать приём, который Соловей О. Разбойник, чёрный маг